

НАДЕЖДА БЕССОНОВА

ХРАНИВШИЕ ЛЮБОВЬ

Моя мама Оля

Ей очень хотелось летать, подобно прославленным лётчицам Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко, Марине Расковой подняться в небо. А ещё стать диктором на радио. Но ни в лётное, ни в театральное училища её не приняли. Расстроенная, Ольга долго бродила по московским улицам, пока на Петровке не наткнулась на табличку “Московский электротехнический институт связи”.

“А почему бы и нет?” – подумала она, направляясь в приёмную комиссию, тихонько напевая свою любимую “А ну-ка, девушки, а ну, красавицы...”. Экзамены в институт она сдала на “отлично”. Олиному поступлению радовалась вся семья, особенно мама, школьная учительница физики.

Жизнерадостная, красивая, энергичная, Ольга сразу стала любимицей курса. Она режиссировала студенческие спектакли, участвовала в художественной самодеятельности...

22 июня 1941 года всё рухнуло: фашистская Германия напала на нашу страну. Мирной жизни больше не существовало, пошёл отсчёт нового, военного времени. Началась Великая Отечественная война. В октябре её ураган донёсся до Москвы.

В городе с каждым днём нарастали тревога и напряжение, стремительно расплзались слухи о готовящейся сдаче столицы. Многие москвичи поспешно покидали город, но Ольга уезжать из Москвы не собиралась. Ей предложили вести занятия в техникуме при институте, однако судьба распорядилась иначе.

Утром 16 октября, услышав по радио, что немецкие танки находятся уже в нескольких километрах от Москвы, она, взволнованная, ехала на занятия. На улицах – неразбериха, хаос, паника. Трамвайные пути то и дело перекрывали толпы беженцев. Удушливая гарь дымящихся со всех сторон уличных костров врывалась в вагонные окна. Кругом вереницы нагруженного транспорта.

Все занятия были отменены. Во дворе пылал костёр – жгли архивы. Возле него толпились студенты, пытаясь спасти свои документы. Ольге повезло, ей сразу попала на глаза папка с её фамилией. Схватив её, она побежала разыскивать своих друзей-однокурсников.

БЕССОНОВА Надежда Павловна — известная московская журналистка, писательница. В прошлом — корреспондент Центрального телевидения, Всесоюзного радио и Иновещания, АПН, ряда центральных газет и журналов. Надежда Павловна родилась во время Великой Отечественной войны в семье офицера Советской армии. Обо всём, что пережили в те тяжёлые годы её родственники, и рассказывают эти записки.

В пустом актовом зале она увидела одиноко сидящего молодого лейтенанта, небольшого роста в синем комбинезоне с двумя топориками в петлицах на воротнике и с огромной кобурой на боку. Рассмеялась.

— Уж больно смешон он был в тот момент, — вспоминала Ольга Иннокентьевна. — Сдержаться я не смогла. Он улыбнулся мне в ответ. Так мы и познакомились. Друг другу понравились сразу.

Павел, оказавшийся в Москве проездом в Златоуст, куда получил назначение по службе, заехал в институт попрощаться со своим другом и ждал его в зале. Тот и появился в окружении студентов, а их-то и разыскивала Ольга. Вместо прощания Павел предложил всем, не теряя ни минуты, уезжать из Москвы вместе с ним. Прямо сейчас. Его военный грузовик стоял во дворе.

Уже в машине, медленно ползущей в колонне по шоссе Энтузиастов, единственной оставшейся свободной дороге на восток, Ольга ругала себя за легкомыслие. Но расставаться с этим незнакомцем, неожиданно ворвавшимся в её жизнь, она не хотела. В его словах “всё будет хорошо” были и искренность, и надёжность, и защищённость. Не поверить Ольга не могла. Согласившись на это безумное путешествие — в полную неизвестность, — она ловила себя на мысли, что с Павлом поедет куда угодно, лишь бы быть рядом с ним.

Путь был длинным и долгим в сплошном потоке машин с ранеными, беженцами, с каким-то оборудованием, накрытым брезентом. В Казани студенты решили попытаться счастья в местном университете. Прощаясь с Ольгой, понимая, что это навсегда, Павел неожиданно выпалил: “Выходи за меня замуж!..”

В Златоуст — пункт его назначения — они приехали мужем и женой.

Их поселили в маленькой восьмиметровой комнатке офицерского общежития, где стояли стол с табуреткой да железная кровать. Выдали казённое армейское имущество: постельные принадлежности, алюминиевые чайник, две кружки, две ложки и две миски. Так началась их семейная жизнь, казавшаяся им в то время настоящим раем. Ольга нашла себе работу на телефонной станции. Несмотря на скудость их быта, молодых не покидала уверенность, что всё у них впереди.

В 42-м Павла отправили на фронт. Провожая мужа, Ольга положила в левый карман его гимнастёрки свой оберег — затёртый серебряный рубль, подаренный ей на счастье бабушкой. Никогда Ольга с ним не расставалась, считала, что он приносит удачу.

Сберёг талисман и её любимого Павлушу. Спас. Заслонил от вражеской пули. Но об этом она узнает только после войны и, спустя годы, будет показывать эту небольшую монету с вмятиной посередине — бесценную семейную реликвию — своим детям, а затем внукам и правнукам. Рассказывать, как в кромешном аду она спасла жизнь их отцу, деду и прадеду.

Март 43-го в Златоусте выдался холодным. Ртутный столбик опускался за минус 40 по Цельсию. На солдатском одеяле Ольгу несли в больницу. Роды начались преждевременно. Ни машин, ни даже носилок, ни места в переполненных ранеными городских больницах не оказалось. Ей ещё здорово повезло. Единственная врач загородной больницы, куда Ольгу принесли, пожилая женщина, эвакуированная из Харькова, оказалась опытным акушером. Роды были очень тяжёлыми, кроме йода и бинтов в больнице никаких медикаментов не было.

— Это чудо просто какое-то, — мамыны глаза озаряются радостными огоньками, — врач сумела в тех тяжелейших условиях сделать всё, чтобы сохранить нам жизнь. К сожалению, я даже имени её не знаю. Моя благодарность ей безмерна. Я теряла очень много крови. Положение детей было неправильным. Если бы не она...

“Двойню будем рожать, голубушка”, — ласково и как можно спокойнее сказала врач. Ольгу охватили страх и паника. Ей одного-то ребёнка вернуть и положить было не во что. А двоих?

Суровое солдатское одеяло разрежут пополам, армейские простыни и наволочки разорвут на пелёнки. В этом она, голодная, обессиленная, едва держащаяся на ногах, вынесет своих крошечек на лютый уральский мороз.

— Дети меня спасли, — говорит мама. — О себе думать было некогда. Мне думать надо было о них. Где положить, во что вернуть, чем кормить? Молока у меня не было, разжёвывала кусочки хлеба, заворачивала в тряпочку и давала детям сосать.

Кто-то посоветовал ей кормить детей пережаренной мукой, немного молока выделили на кухне детского питания, эвакуационный центр помог с пелёнками и распашонками, даже корытце и марганцовка для купания детей нашлись.

— Люди были тогда намного добрее, отзывчивее, — рассказывает Ольга Иннокентьевна. — Отдавали последнее, стараясь помочь друг другу всем, чем могли.

Но надеялась она всегда только на себя. Своих детей никому не доверяла, боялась выпустить из рук.

Осенью 43-го Ольга неожиданно получила ответ на забытый в заботах о детях запрос в Москву. Её вызывали для продолжения учёбы в институте.

Проходящие переполненные поезда в Златоусте брали штурмом. Ей помогли и в вагон протиснуться с двумя малютками на руках, и место уступили. Но до Москвы они не доехали. В Куйбышеве их вагон отцепили.

Зал ожидания был забит битком. Начальник станции, увидев её с двумя орущими свёртками на руках, предложил угол за занавеской. Десять дней, проведённые на вокзале, показались вечностью. От голода девочки орали день и ночь в два голоса сразу. Уложить их спать, уgomонить было настоящей мукой. Одну держала на руке, другую клала на колени, пытаюсь убаюкать, а они орали и орали...

... 9 мая 1945 года в 6 часов утра, услышав по радио о капитуляции Германии, Ольга выбежала во двор, полный ликующих, кричащих: “Ура! Победа!”, обнимающихся и целующих друг друга людей. В том же 45-м она успешно окончила свой институт, получила диплом инженера-экономиста.

— Все эти годы я жила только одним, — вспоминает Ольга Иннокентьевна, — думами о том, как мои девочки встретятся со своим отцом, как он будет им рад.

О рождении своих дочерей-двойняшек Павел узнал из заветного фронтового треугольника в самый разгар боёв. Радостное известие ошеломило его. Такого поворота судьбы он никак не ожидал. Ребёнок был очень желанным для него, не важно, кто — мальчик или девочка — но чтобы сразу двое! Не представляя себя ещё в роли отца, Павел мысленно был там, на Урале, с ними тремя, своими самыми дорогими и любимыми людьми. Он должен был выжить в этой мясорубке, должен увидеть своих дочерей...

Они встретились. Но не в победном 45-м в Москве, а в 47-м в Германии, где Павла оставили служить после окончания войны. Увидев двух одинаковых девочек, в одинаковых сереньких шубках и таких же меховых шапочках, бодро спрыгивающих с подножки вагона, Павел впервые в жизни растерялся. А те при виде незнакомого дяди, крепко обнимающего и целующего их маму, громко заплакали в два голоса, как это они умели дружно делать — на весь берлинский вокзал.

Так они стояли в оцепенении, пока та, что побойчее, Надюша, не подошла к нему и, шмыгая носиком, не спросила:

— Ты правда наш папа?

— Правда, — ответил майор, протягивая им руки.

Ольга и Павел, прижимая к себе дочерей, счастливые шли по перрону. Выстояв в то лихолетье, победив в борьбе за жизнь, за будущее своих детей, они, окружённые заботой и любовью своей большой семьи, до сих пор вместе.

Уже и бриллиантовая свадьба давно отпразднована. Вот уже и трое внуков стали взрослыми. А в канун 65-летия Победы в своей новой просторной квартире они бережно держали на натруженных руках только что родившегося третьего правнука.

— Это такое безгранично радостное событие, — взволнованно говорят они, — которое можно пережить только в семье, и особенно, когда вся твоя семья собирается вместе. Мы счастливы, что дети дарят нам эту великую радость.

О своём мгновенно принятом осенью 41-го года решении Ольга ни разу не пожалела. Их вспыхнувшее чувство закалилось войной, их любовь выдержала все испытания. 90-летние Ольга и Павел радуются жизни и сегодня. Он по-прежнему приглашает свою Олюшу на тур вальса, а она посвящает ему свои стихи. Они счастливы, несмотря на все сложности сегодняшнего дня. За их плечами долгая и достойная жизнь.

Мой отец Павел

Нам, дочерям, о войне отец, кадровый военный, рассказывать не любил. Мы и после войны ещё долго месяцами не видели его. То он строил один военный аэродром, то другой. То прокладывал в непроходимых местах дороги.

К наградам боевым прибавлялись награды трудовые. А в редкие часы его пребывания дома все наши просьбы рассказать о войне по-прежнему оставались без ответа или наталкивались на скупые короткие фразы:

– Никаких подвигов я не совершал. Я просто выполнял свою работу, защищал Родину. И эту работу старался делать как можно лучше.

Родился он в крестьянской семье в украинском селе Вытягайловка, где все друг другу были родственниками, и фамилия у всех была одна и та же – Вытягайловские.

Своего отца помнит плохо. Тот, вернувшись инвалидом с Первой мировой войны, умер рано, оставив на руках жены троих малолетних детей.

Жили впроголодь. Хлеб и тот был большой редкостью, пока Пашка не подрядился разгружать мешки с мукой для соседней пекарни. За это он получал от хозяина буханку свежесдобитого чёрного хлеба, с которой сломая голову нёсся домой, чтобы ещё горячей вручить её маме, чему очень гордился в свои двенадцать лет. Чувствуя себя ответственным за семью после смерти отца, видя, как нелегко жилось матери, он старался помогать ей во всём.

Вкус этого чёрного хлеба, да ещё мамино украинского борща, да самой дешёвой рыбы – камбалы, селёдки, бычков – Павел помнит до сих пор. И сегодня это его самая любимая еда, которую он с удовольствием готовит сам. Он всегда всё делал сам, с удовольствием и от души. И радовался, когда получалось.

Жажда деятельности его обуревала. Он мог стать врачом, ему очень хотелось вылечить больную маму. Или художником, он хорошо рисовал. Или инженером, он любил технику и прекрасно в ней разбирался. Поваром, наконец.

Не став дожидаться окончания школы, он пошёл работать, учился на рабфаке, а через год поехал в Москву поступать в военное училище.

Конкурс был большой. Профессия военного в те годы была одной из самых привлекательных. Не попробовать себя в ней Павел просто не мог.

Военизированный дух времени наполнял повседневную жизнь. Маршевые песни И. Дунаевского из популярных кинофильмов моментально подхватывались и пелись повсюду. Пашка тоже, не переставая, напевал себе под нос: “Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот...”

Он очень обрадовался, когда в списке счастливиц, принятых в Московское военно-инженерное училище, увидел свою фамилию. Учился Павел на одни пятёрки.

А в январе 40-го, после досрочной сдачи выпускных экзаменов, новоиспечённого лейтенанта прямо из учебных классов отправили на войну, финскую, где он и получил своё боевое крещение, прорывая знаменитую “линию Маннергейма”.

Зима в Финляндии в тот год была лютой. Температура воздуха падала до минус 45. В густых лесах было много снега, идти по которому можно было только на лыжах. За нашими бойцами охотились финские снайперы.

В сапёрном взводе, которым командовал Павел, оказались в основном пожилые рабочие с калининских заводов, которые ему в отцы годились. Они не только не знали, как обращаться с минами, но и винтовки-то в руках держать как следует не умели. Ему приходилось учить их прямо на передовой.

Своё зимнее офицерское обмундирование – меховую ушанку, тулуп, валенки – он раздал старшим по возрасту. Его вполне устраивала одежда рядового – стёганые брюки и телогрейка.

Через три месяца эта, как её называли, “зимняя”, а для него – его первая война закончилась. Они вышли из окопов. Тишина. Солнце светит. Белый снег искрится. Ослеплённые бескрайней белизной, радостные, они разлеглись на льду Финского залива, наслаждаясь окружающей красотой...

Вскоре батальон Павла погрузили в товарные вагоны и перебросили в Латвию, а затем – в Белоруссию, на самую границу.

Жизнь на границе текла спокойно. Обычная армейская жизнь с кино и футболом по воскресеньям. Жили в палатках. Строили землянки, блиндажи,

укрепляли огневые позиции. Готовились к учениям высшего командного состава Белорусского военного округа, которые были назначены на июнь.

В выходные, как обычно, играли в футбол. Пашкина команда, в которой он был неизменным капитаном, впервые одержала победу. Ликовали почти до рассвета.

А с рассветом их, сонных, разметал ливень авиационных бомб. Земля вставала дыбом. Так 22 июня 1941 года с первым налётом авиации и началась для Павла Великая Отечественная война.

Этот налёт убелённый сединами ветеран-полковник в отставке помнит в мельчайших подробностях и сегодня.

– Мы бежали кто в чём... и кто куда, – рассказывает он внимательно слушающему внуку. – С самолётов строчили пулемёты. Убитых и раненых было много. Командиры помчались в свои части. Я успел схватить сапоги и форму. Одевался в каком-то овраге...

Павла откомандировали на Урал. А вскоре он снова был на фронте, в 14-й Новгород-Северской инженерно-сапёрной бригаде 65-й армии 2-го Белорусского фронта, которым командовал Константин Рокоссовский.

В составе этой армии он попадёт в мясорубку Курской дуги, будет теснить немцев с Брянщины, форсировать Днепр, освобождать Белоруссию, Польшу, дойдёт до Берлина. После победы его оставят служить в Германии ещё на два года.

На вопрос, где было труднее всего, отец отвечает:

– Трудно было везде. Война – очень опасная и тяжёлая работа. А в работе сапёра даже малейшая оплошность грозит смертью. Мы были всё время на передовой. Приходили первыми, а уходили последними, обеспечивая продвижение наших войск вперёд. Немцы всё время охотились за нами. Не давали продыху ни днём, ни ночью. Мы строили, а они тут же разрушали. Мы снова строили. Они снова рушили. И так без конца, а от меня все требовали: “Быстрее, крепче, надёжнее!” Действовать приходилось по ситуации.

По ситуации... сколько раз он и в болоте увязал, и бросался в ледяную воду, чтобы вытащить рухнувшую с переправы повозку или машину, спасая боеприпасы, брал в руки и лопату, и лом, заменяя под ураганом свистящих пуль убитых или раненых солдат, сам устанавливал мины. Однажды в Белоруссии из-за этих мин, вовремя не подвезённых на передовую, он даже сгоряча был приговорён к расстрелу. Уже был взведён курок, но связной успел прибежать с сообщением об отмене приказа: наши снова пошли в наступление, мины не потребовались.

– А орденам и медалям, которые ты получал, был рад? – спрашивает внук.

– Было как-то не до этого. Никто о них тогда особенно и не думал. Главное было защитить свой дом, своих родных, скорее прогнать врага со своей земли. Это был наш долг, и мы его выполнили до конца.

Сколько построено им во время войны переправ и мостов, установлено и разминировано мин, вырыто землянок и блиндажей, взорвано и сооружено дотов и дзотов, сколько километров гатей проложено по труднопроходимым болотам, топям – и всё это под непрерывным огнём противника, – не подсчитано никем.

Зато сам он точно знает, что страшная и кровавая Вторая мировая война вырвала из его жизни 1480 самых лучших дней его молодости, вспоминать которые ему тяжело до сих пор.

Мой дедушка Кеша

В 1941 году, когда фашистские самолёты бомбили Москву, в наш большой московский двор в центре столицы, окружённый тремя стройными корпусами знаменитого дома “Коммуны”, упала бомба. К счастью, не разорвалась, благополучно была извлечена из земли сапёрами и вывезена, оставив после себя лишь глубокий след – воронку – напоминание о грозных днях войны.

Кому пришла идея соорудить на этом месте фонтан, теперь сказать трудно, но когда жители дома стали возвращаться из эвакуации, их ждал сюрприз – сияя и искрясь на солнце многоцветной радугой, их встречал фонтан. Он стал самым любимым местом нашего детства. Здесь мы, детвора, проси-

живали часами, любясь его переливающимися, нежными струйками. Вокруг него затевались нехитрые детские игры, а в жаркие дни детвора с огромным удовольствием плескалась в его прохладной воде.

Как-то к фонтану пришел деда Кеша и выпустил в него маленьких золотых рыбёшек. Нашей радости и удивлению не было конца. Деда Кешу – старичка с седой клинышкой бородкой и очень добрыми, лучезарными глазами любил весь двор. Он часто разговаривал с нами, его заботила наша детская жизнь, чем мы занимаемся, чему учимся, как и с кем проводим время, чем интересуемся. На подоконнике его окна на первом этаже стоял огромный аквариум с яркой подсветкой. Разноцветные рыбки, плававшие в нём, привлекали детвору, завораживая и не отпускавая.

О рыбах деда Кеша и начал свой рассказ у фонтана, а потом – о цветах, пчёлах, деревьях. Да так увлечённо! Увлекая за собой в таинственно прекрасный мир, который нас окружал, и о котором мы пока ещё мало знали.

Мы слушали его, затаив дыхание, забыв про все свои игры. Расходиться не хотелось. Вот так бы и стояли вокруг волшебника, каким представлялся нам в тот момент деда Кеша, воображая себя то пчелками, перелетающими с цветка на цветок, то раскрывающимися бутонами на веточках сирени, то падающими в осеннюю пору жёлтыми кружащимися листьями, то глубоководными рыбами, бороздящими океаны.

Наутро дедушка принес маленькие лопатки, грабли, вёдра, сделанные им самим, и закипела во дворе работа. Вместе с дедом Кешей ребята дружно чистили двор, убирали мусор, копали землю, сажали цветы, кустарники, деревья. Больше всего цветов посадили, конечно же, вокруг своего любимого фонтана.

Когда по всему двору всё дружно зацвело, засияло красочным разноцветьем, ни у кого не поднялась рука нарушить это великолепие, сорвать, сломать, затоптать хоть один цветок.

Мы не переставали любоваться нашим фонтаном, окружённым цветами – красотой, сотворенной собственными руками. А деда Кеша продолжал увлечённо учить нас ухаживать за цветами, говорил, что они живые и у каждого – своя душа, им нельзя причинить боль, нельзя обидеть, о них нужно заботиться. Их надо любить, и тогда они будут отвечать тем же, долго будут цвести, радуя нас.

Яркими лиловыми гроздьями распустилась сирень. Необыкновенно душистая. Невозможно было пройти, не остановившись, чтобы вдохнуть в себя её чарующий запах, насладиться видом. За сиренью в пышный бело-розовый наряд оделись вишня с яблонами, заблагоухал жасмин... До чего же красив в это время был наш двор, наполненный чудесными весенними ароматами!

Садовых участков тогда ещё ни у кого не было. Первые плоды, созревавшие на наших глазах, да ещё в городском дворе, все встречали восторженно. Не скрывал своей радости и деда Кеша, раздавая нам прямо с дерева спелые сочные фрукты. Срывать их сами ребята не решались – было стыдно.

Детворы, военной и послевоенной, в огромном доме было много. Жили мы дружно, скучать и унывать было некогда. Мы не знали, что такое сидеть без дела. Занимались и музыкой, и танцами, бегали в секции и кружки. Было их ещё мало, но мы лепили и рисовали, пели и вышивали.

А вот жизни учил нас деда Кеша. Как-то осторожно, ненавязчиво. Даже последние плоды он умудрялся разрезать своим перочинным ножиком, с которым никогда не расставался, на равные дольки так, чтобы никого не обидеть. Авторитетом он был для нас абсолютным. На детей никогда не кричал, даже голоса не повышал, но умел посмотреть так строго и требовательно, что делалось не по себе. Пререкаться, ослушаться деду Кешу мы не смели, он был посвящён во все наши тайны. Выслушивал нас подолгу, не торопя, заинтересованно.

Между собой, конечно же, мы и ссорились, но беззлобно. Обижались, но тут же мирились. Друг за друга стояли горой. Тогда понятие “двор” было равнозначно “братству”. Ябед и ехид не любили: с ними не дружили и не играли. А играли часто двор на двор. И в “казаки-разбойники”, и в лапту, и в футбол. Выстраивались шеренгами друг против друга, громко запевая: “Бояре, а мы к вам пришли!”, крепко держась за руки. Вставали в длинный хвост, чтобы проскочить под тяжёлой крутящейся веревкой, единственной на весь двор. Играли и в догонялки, и в прятки, и в жмурки...

Во многие игры учил нас играть деда Кеша. Выиграть у него партию в городки или шашки никто не мог. Для команды-победительницы у него всегда наготове был свой специальный приз – рамка густого янтарного мёда в сотах. Высшего блаженства, чем облизывать это ароматное, живительное лакомство, мы в ту пору не знали.

Неугомонный, неравнодушный ко всему, этот человек не переставал нас постоянно чем-то удивлять. Он и улей для пчёл смастерил у себя под окном одним из первых в Москве. А в карманах его выцветшей неизменной телогрейки, которую он, за неимением другой одежды, носил, не снимая, всегда находилось что-то на первый взгляд несуразное, а для нас – неожиданное, любопытное, мудрёное.

Был он учителем математики, до войны преподавал в школе. Занимаясь с нами, был уже тяжело больным человеком, инвалидом. Но мы, дети, и не догадывались об этом. Не знали мы, что наш деда Кеша – Иннокентий Николаевич Бессонов – в 37-м году был по гнусному доносу осуждён и сослан в ГУЛАГ, где провёл несколько страшных лет. Был выброшен за ворота дистрофиком с отбитыми внутренними органами и напутствием: “Иди, всё равно по дороге сдохнешь”. Но он выжил и пешком (!) добрался домой, в Москву. Не озлобился, не ушёл в себя. Занялся пчеловодством, фотографией, спеша запечатлеть, оставить потомкам каждое мгновение прекрасного, стараясь сделать свою жизнь и жизнь окружающих его людей светлее и чище.

Однажды деда Кеша принёс во двор по тем временам настоящее чудо – старенький, поизносившийся, потёртый, но работающий фотоаппарат – и стал обучать нас фотоделу. Снимки тех лет я храню до сих пор. Хотя качества они и невысокого, но мне они дороги как память о моём детстве, дворе, любимом фонтане, о добродушном и сердечном деду Кеше – замечательном человеке.

А сколько книг из деды Кешиных рук переходило вот так же по кругу от одного к другому из нас. Сам он читал запоем, его маленькая комнатка была сплошь завалена книгами. Дед то и дело и нам подсовывал что-нибудь интересное, и мы зачитывали книжки до дыр. Но дедушка никогда не забывал расспросить о прочитанном, одновременно обучая нас “лечить” книжки, переплетая их заново и возвращая им прежний вид.

Немало времени потратил он, чтобы приобщить к чтению двоюродника Владика Беспалова. Какие только книги не предлагал. Участвовали в этом и мы, дружно включившиеся тогда в движение “книгонош”, безвозмездно разносивших книги по квартирам, помогая их распространению. Но всё было напрасно. И всё-таки мы увидели Владика с книгой в руках! Как деду Кеше удалось убедить его, осталось загадкой. Только через много лет мы узнали, что этот самый Владик стал известным литературным критиком. Крупным учёным-океанологом стал впоследствии Гена Назаров, в детстве разбивший первый огромный аквариум деду Кеши с любимыми золотыми рыбками, что стоял у него на подоконнике.

Вышли в люди, состоялись абсолютно все ребята нашего двора. Нам здорово повезло. Рядом с нами всегда был мудрый человек – Учитель – деда Кеша, чьи уроки постижения прекрасного мы запомнили на всю жизнь, и благодарная память о котором до сих пор греет наши сердца.

Моя бабушка Надя

Поезд медленно, рывками в беспросветной тьме набирал скорость, увозя московских детей всё дальше и дальше от столицы. Шёл октябрь 1941 года, четвёртый месяц Великой Отечественной войны. Время было суровое. Сводки Информбюро скупые и тревожные: фашистские орды всё ближе и ближе подступали к Москве.

Надежда Васильевна почти не спала уже несколько суток. Давили тревожные мысли: “Что же будет? Сколько ещё я буду с ними одна? Куда теперь нас везут?” Какой уж тут сон! Запасы еды, лекарств, мыла, взятые с собой, давно закончились. Одежда у детей за три месяца изнасилась...

Ей вспомнился июль 41-го. Тогда начались ежедневные бомбардировки Москвы, и её, учительницу физики, срочно вызвали в школу. Сказали, что принято решение о немедленной эвакуации школьников младших классов из

столицы и что она будет сопровождать детей. “Отвечаешь за каждого!” – строго наказали ей.

На сборы дали ровно сутки. Раздумывать было некогда. Надежда Васильевна быстро собрала небольшой чемоданчик, школьный портфель всегда стоял наготове на стуле за письменным столом.

Утром поехала на Красную площадь, прошлась по московским улицам, а когда прибежала на Казанский вокзал, весь перрон уже был заполнен детьми и женщинами. Мужчин почти не было. На лицах – растерянность, тревога, печаль, боль. Стояли молча, крепко обнимая друг друга. Никогда Надежда Васильевна не видела такими серьезными лица малышей. Сердце сжималось от этой пронзительной тишины.

И только когда раздалась команда: “По вагонам!”, чувства, сдерживаемые всеми силами души, разом хлынули наружу. Что тут началось! Суета, крики, плач. Больно вспоминать...

Нет, не могла Надежда Васильевна больше думать об этом. Терзать своё сердце. Она встала, поправила причёску, пытаюсь оборвать нахлынувшие воспоминания. “Что было, то было, – сказала она себе. – Сейчас надо думать, как будем жить дальше”. Она медленно пошла по вагону, всматриваясь в лица спящих ребят.

С ней было сто мальчиков и девочек, разлучённых войной с домом, с родными, с привычной для каждого из них жизнью. И ей одной надо было решать, во что их одеть, обуть, чем накормить, чем лечить. Хоть головой о косяк бейся! Думай, не думай, впереди полная неизвестность. Сказали, привезут, а куда? Что ждёт их на новом месте?

Поезд шёл очень медленно. Останавливался на каждой развилке, у каждого полустанка, пропуская длинные эшелоны, идущие в сторону Москвы. На крупных станциях удавалось выпросить немного еды в дорогу, но только как разделить эти крохи на всех? На стоянках, где позволяло время, Надежда Васильевна организовывала выступления детей. Кто стихи читал, кто пел, кто танцевал. За это их кормили горячей картошкой, хлебом, поили молоком, даже щей горячих давали ребятишкам. Ну кто же мог предположить, что их дорога так затянется и превратится в сплошную муку...

Сажая детей в этот злополучный поезд, на её вопрос: “Как жить они будут дальше?”, ответили: “По обстановке. Видишь, что творится? Немец прёт на Москву. Не до тебя. Поезжай!”

– Куда?

– Куда сможем, туда и отправим. Уедете. За это я ручаюсь, – сказал начальник Казанского вокзала. – Детей в первую очередь отправим. Можешь не волноваться. А дальше уж сама, голубушка. Как повезёт. Понимаю, что трудно, но не в силах больше тебе ничем помочь. Благодарю Бога, что сегодня хоть есть на чём вас вывезти. А что будет завтра, не знает никто.

Погружённая в свои мысли, она шла по вагону, привычным заботливым взглядом проверяя, всё ли в порядке. Дети спали, прижавшись, положив головы друг другу на плечи, спрятав маленькие кулачки в рукава пальто от холода. Надежда Васильевна хорошо знала их всех. Уже три месяца они жили как одна большая семья.

“Неужели не выстоим, неужели сдадим Москву? – терзали её тревожные мысли. – Нет, не может этого быть. Не бывать Гитлеру в Москве!” – успокаивала она себя.

Надежда Васильевна вспомнила, как она с мужем приехала из Хабаровска по направлению в Москву учиться в педагогическом институте. Как они вместе по вечерам бродили по площадям, бульварам и улицам города и не могли налюбоваться его красотой. Вспомнила Спасскую башню Кремля, Большой театр, Воробьёвы горы, набережные Москвы-реки, и слёзы полились сами собой.

– Надежда Васильевна! – позвал кто-то из ребят.

Она встрепенулась, рассердясь на себя за минутную слабость. Быстро вытерла глаза. Дети не должны видеть её слёз. “Что бы ни случилось, только не плакать. Держись!” – сказала она себе.

– Надежда Васильевна, мы в Москву едем, да? – глядя ей в глаза, с надеждой спрашивала девятилетняя Оля. – Я хочу домой, к маме. Я соскучилась! Очень! – рыдала девчушка, уткнувшись в колени учительнице.

– Спи, Оленька, спи, милая. Скоро приедем, – поглаживая вздрагивающее исхудавшее тельце, только и смогла она сказать девочке.

Самое трудное было для неё отвечать на детские вопросы. Обманывать ребят, отводя взгляд от их ожидающих, доверчивых глаз, она не могла. Детская душа так чувствительна, так ранима! “Хорошие вы мои, – подумала она, – если бы я сама знала, куда мы едем, и что с нами будет”.

С каким же трудом давалось ей сейчас внешнее спокойствие, естественная ласковая улыбка. Она знала, что ребята ей доверяют. Её светящимся добрым глазам всегда можно было верить. Они никогда не подводили.

Начинало светать. “Надо чем-то занять ребят”, – решила Надежда Васильевна. Она стала снова вспоминать различные загадки, считалки, игры.

Их-то она знала великое множество ещё с детства, когда в Верхнеудинске, где она выросла, ей приходилось присматривать за своими братьями и сёстрами. Она была старшей из восьми детей в семье, и заботы о младших Наденька, как её ласково все звали, делила вместе с родителями.

Может быть, именно тогда и пришло к ней решение стать учительницей. Ей нравилось заниматься с детьми. Она всегда умела увлечь их, заинтересовать, успокоить, решить конфликт по справедливости.

Её мама не переставала удивляться, как Наденька мило справлялась даже с самым озорным непоседой – 12-летним братом Лёней. Неугомонный фантазёр, он обожал свою старшую сестру и постоянно ходил вокруг неё, прося: “Надь, а Надь, давай что-нибудь смастерим. Ну, Наденька, пожалуйста!” Она смотрела в озорные, горящие любопытством глаза брата и тут же соглашалась. И они начинали мастерить. Чаще всего – “оловянных” солдатиков.

Наденька ловко вырезала фигурки из картона, кроила для них мундирчики, а Лёня брался за краски. Тут же к ним присоединялись остальные дети, и работа кипела. Так же дружно они садились под её руководством за изготовление ёлочных украшений к Новому году. Новогодняя ёлка в доме всегда была не менее двух метров.

А потом она закончила педагогический класс гимназии. Было это ещё до революции. Её, как лучшую ученицу, направили преподавать в младшие классы. Детвора и там ходила за ней, самой любимой учительницей, гурьбой...

– Доброе утро! Доброе утро! – говорила Надежда Васильевна просыпавшимся детям, проходя по вагону и держа в руке маленького солдатика в раскрашенном мундирчике, того самого, из своего детства, с которым никогда не расставалась.

Ребятишки приветливо махали руками маленькому солдатiku, в их глазёнках появлялись радостные искорки. Они улыбались. Начинался новый день. Один за другим дети собирались возле неё. Поезд остановился.

– Мы приехали? Почему мы стоим? – наперебой спрашивали дети. Надежда Васильевна выглянула в окно и увидела здание вокзала. На нём было написано: Алма-Ата.

– Кто здесь уполномоченный? Выгружай детей! Приехали! – услышала она голоса с перрона.

Платформа была полна встречающих. Жители ближайших казахских аулов с цветами в руках встречали прибывших ребят, которых сердечно приняли в свои семьи.

Для многих, приехавших с тем поездом, Казахстан стал родным домом, где они до сих пор живут, создав свои семьи, вырастив детей и внуков.